

Глобальное и локальное как контексты и как контрасты

Валерий Голофаст

Социологический институт РАН

Глобализация означает, как обратил внимание Горан Терборн (1, p.149-150) переход от эволюционного взгляда на общество (перспектива исторического времени) к анализу экспансии неолиберализма, вторжения мирового рынка, индустриальных и постиндустриальных технологий и коммерческих стратегий в незатронутые прежде этими явлениями территории, сектора и уровни общественной и природной жизни (перспектива пространственной экспансии). Тем самым признается, что внутренняя динамика социума больше не определяет его историю. Внутренние законы не могут считаться универсальными, независимыми от времени, места и внешних условий. Акцент переносится на взаимовлияние внешних и внутренних факторов, формирующих гомогенный мир и обостряющих его гетерогенность.

Движущие силы глобализации – это интересы ТНК в сохранении своих прибылей. При сложившейся структуре производства в странах триады – в США, Европе, Японии - ТНК пытаются использовать дешевые ресурсы и рабочую силу в остальном мире для удержания своей гегемонии на рынках, которые давно уже переросли национальные и региональные рамки.

В силу концентрации ТНК в странах триады и развитости их внутренних рынков эти богатые страны получают большие преимущества в накоплении капитала в собственных границах и в инвестиционном влиянии в зонах своих интересов. Благодаря информационным, финансовым и транспортным технологиям, возникшим в странах триады в последние десятилетия, стремительно реализуется глобализация производства, торговли, маркетинга, аудита и других функций бизнеса.

Глобализация как поток

Глобализацию производства следует отличать от международного разделения труда (6). При разделении труда обмен между звеньями производственных систем осуществляется через посредство государственных бюрократий, установленных ими правил, барьеров и интересов или через посредство конкурентного открытого международного рынка. Глобализация производства обходит эти преграды, она оставляет процесс производства внутрифирменным, хотя и размещенным по всему миру. Комбинация промежуточных продуктов осуществляется в едином технологическом режиме, но при рассредоточенном менеджменте. Тем самым ТНК получают все преимущества корпоративного контроля и избегают многих издержек и давлений со стороны ненужных внешних посредников или локальных особенностей культуры производства и управления. Так устанавливается монопольный контроль над специализированными сегментами мирового рынка. Размышляя над причинами роста разрыва в доходах внутри стран и между странами, К.Валаскакис приходит к выводу, что глобализация конкуренции приводит к ее фактическому устранению на местных уровнях и на самом деле ведет к принципу «победитель забирает все». «Фактически во многих случаях

конкуренция – это прелюдия или к полной монополии, или по меньшей мере к олигархии» (17, с.31).

Между тем, вслед за глобализацией производства рынки капиталов, информации, ресурсов, товаров потребления становятся также трансконтинентальными. Решающее условие открытости всех рынков (кроме рынка труда, о чем см. 10) не столько в развитии технологий или в тактике ТНК, сколько в изменившихся ориентациях национальных правительств в пользу принятия неолиберального курса в политике, в снятии препятствий для корпоративных и частных действий агентов производства и обмена. Это условие стало глобальным, как известно, только с распадом СССР и советской зоны влияния, размыванием биполярной структуры мира и глобального идеологического противостояния.

Глобализация создает стимулы для усиленного потребления в местах проникновения мирового рынка, а вслед за спросом движется коммерческая, информационная, финансовая и транспортная инфраструктура. Ее развитие требует инвестиций, как правило, не местного происхождения, в силу отсутствия накоплений и роста потребительских расходов. Так создается порочное кольцо задолженностей. Процессы экономической зависимости становятся лавинообразными, они порождают кризисы, но прочно привязывают вновь освоенную территорию к мировому пространству экономических интересов ТНК. Кризисы делегируются национальным и местным политическим силам, международным и неправительственным организациям, а экономическая эксплуатация новых территорий продолжается до тех пор, пока ТНК не найдут новое пространство для вторжения или новых причин для удержания кризисных территорий в сфере своих интересов.

Описываемый так, в своем генезисе, процесс глобализации имеет, по видимости, односторонний характер. Но если принять во внимание ответные действия новых территорий, а также столкновения и конкуренцию ТНК между собой, монополизацию и протекционизм, коррупцию и преступность, действия правительств и прочих сил, глобализация превращается в хаотический поток изменений, каким он и воспринимается на уровне повседневности. Попытки его проблематизации с позиций разных наук приводят к следующим основным описательным результатам.

Глобализация не единый, а множественный процесс: он включает экономическую, культурную, информационную и т.д. глобализации. Глобализация – многослойный поток, который порождает и включает себя в относительно неизоморфные сети: миграция, дислокация производств, их рассредоточение в места с наименьшими издержками производства, товарные сети, финансовые, информационные и т.п. инфраструктуры, логистика производства и торговли, юридическое и политическое обеспечение, отбор и обучение кадров и создание сегрегированных рынков труда и т.п. Каждая сеть и каждый поток потенциально порождает свой воображаемый относительно замкнутый мир, создает свою динамику и среду сопротивления, содержит свою перспективу. Каждая из таких сетей интегрирована функционально, вне зависимости от пространственных границ, расстояний, изолированных запасов основных факторов производства, политических, юридических или культурных барьеров. Функциональность сетей и потоков означает их независимость от социального пространства и времени, или как говорят исследователи, компрессию пространства – времени, их сжатие в минимально необходимые условия поддержания скорости потока, рассматриваемого как бы

экстерриториально и подчиненного только внутреннему, собственному времени всего процесса. Такая организация становится возможной благодаря электронным коммуникациям и скоростным видам пассажирского и грузового транспорта, свободе передвижений и финансовых операций, страхового и политического прикрытия, гарантирования всех операций.

Глобализация производства была бы невозможна без развитых товарных цепей. Это понятие сформулировано по аналогии с пищевыми цепями, связывающими разные биологические виды, соседствующие в некоторой экологической среде. Десятки, если не сотни, заводов производят компоненты для всех сложных продуктов современного рынка: автомобилей, самолетов, компьютеров, мобильных телефонов и лекарств, пищевых изделий и модной одежды. С точки зрения каждого конечного продукта или с точки зрения любой, организующей подобное производство корпорации, производители комплектующих образуют самостоятельную сеть, а весь процесс производства оказывается сложно организованным потоком или совокупностью потоков. Логистика, маркетинг, бизнес-планирование, финансовые сети помогают упорядочить каждый поток в терминах эффективности, выгоды, издержек, экономии и инноваций. Но в совокупности все сети и все потоки образуют неизоморфные течения событий, отнюдь не направленных в одну сторону, не синхронных и даже не организованных ритмически, а значит, хаотичных для любого постороннего наблюдателя. Зигмунд Бауман назвал недавно глобализованное потоковое общество «жидким модерном»(7). Другие авторы обращают внимание на то, что флюидность, текучесть становится характеристикой повседневной жизни людей в таких условиях.

Вследствие постоянно меняющихся требований рынка и технологии, профессиональная карьера, занятость, да и сам процесс труда все время оказывается под угрозой фрагментации, дробления, так что его приходится всякий раз как бы монтировать заново, не обращая внимания на условия места и времени. Это стирает границы и барьеры между публичной и приватной сферами индивидуальной и семейной жизни, между рабочим и якобы не занятым работой временем. В ритмике дня, недели, года образуются особо горячие точки, для которых неизбежна спешка, стресс и дефицит необходимой информации.

Опорные центры глобализации

Между тем множество других аспектов и составных частей глобализации привлекают внимание. Поток глобализации не растекается равномерно по вновь осваиваемому пространству. Его опорными центрами становятся прежде всего так называемые глобальные города и алмазные регионы, уже располагающие всеми или большинством составных частей, необходимых для более гладкого обновления технологий и функционирования слагаемых производственного и коммерческого процессов (см. 1,2). Речь идет прежде всего о развитой инфраструктуре, но также о вспомогательных производствах, посредниках, умеренно конкурентной среде и критической массе центров высоких технологий. Желательно также насыщение высокообразованными и готовыми к перемене труда кадрами, рынками жилья и повседневных услуг.

Всякий глобальный город имеет тенденцию сегментироваться на три основные части: сектор корпораций, традиционный деградирующий промышленный город и город иммигрантов (3). Мигранты теперь поставляются

не из сельских районов национального пространства, а из других стран или городов (4).

Некоторые глобальные города формально сохраняют исторически существовавшие деловые или финансовые кварталы, которые символизируют корпоративный центр, но многие вновь возникающие глобальные пространства уже не имеют ясно выраженного делового центра – информационные технологии отменяют необходимость в них. Это значит, что пространство города теряет прежнюю символику и строение, отныне оно делится на богатые и бедные зоны, публичные (потенциально открытые всем) и частные спальные районы, часто сегрегированные и закрытые для посторонних или нежелательные для посещения чужими.

Структурная адаптация глобального города создается прежде всего деиндустриализацией (собственно производство мигрирует в новые районы) и разрастанием сферы услуг, включая инфраструктуру, научное обслуживание, туризм, рекреацию и оздоровление (фитнесс и медицинские центры и клубы), сектор развлечений. В соответствии с делением города на сектора, сфера услуг выстраивается как многоэтажная система: верхний уровень построен на туристской ренте – отели, музеи, парки, спортивные центры, коммерческие кварталы, исторические и фольклорные инсценировки для приезжих, низший уровень (включающий часто неформальную и теневую экономики) – для мигрантов, и средний уровень для остальных обитателей.

Культурная глобализация: гибридизация

В культурном отношении глобализация, по крайней мере на первых порах, сопровождается многочисленными явлениями гибридизации. Прежде всего необходимо отметить гибридный характер делового и корпоративного сектора, где фавориты местной политической системы вынуждены вступить в тесное общение и связи с криминальным сектором экономики. Последний порождается хаосом периода вторжения мирового рынка, но располагает и своими сетями и интересами, профилем и нишей. Речь идет об использовании организованного насилия, рынке наркотиков, отмывании денег, сбыте поддельных или низкокачественных товаров, рынках массовой культуры, проституции и других индустриях порока как производных секторов развлечений, алкогольного рынка, сырьевых и трудовых рынков и, с другой стороны, самого режима экономических и юридических свобод для индивидов, групп и корпораций. Эти явления стимулируют (кроме собственно экономических предпосылок) коррупцию властей и корпоративных служащих, деморализацию политики и масс-медиа, угрожают системам образования, городского и местного благоустройства, разрывают повседневные связи людей в быту.

Другим основным проявлением гибридизации является столкновение космополитических корпоративных, местных, национальных и городских, и иммигрантских культур. Эти явления имеют фазовый характер и постепенно выражаются в доктринах мультикультурализма, коммерческого масскульта или возникающего национализма господствующих культурных сил и защитного или протестного национализма меньшинств, религиозного или этнического фундаментализма. Как бы то ни было существенным остается пока контраст между стандартизированной культурой корпоративного производства во всех своих проявлениях и сравнительным безразличием сил глобализации к множеству местных, частных, групповых или даже более широких

проявлений культурного многообразия. Именно за пределами глобализованных контекстов рождаются доктрины фундаментализма и протестного радикализма, если им удастся устоять перед рынком массовой культуры. Нет ничего удивительного, что эти доктрины смыкаются с терроризмом и организованной международной преступностью, поскольку все эти явления опираются только на внутреннюю латентную легитимность, а средства своей деятельности черпают из внешней хаотичной среды.

Привлекательность глобализации строится на массовом консьюмеризме и неограниченной свободе массовой культуры, которые являются самыми важными проявлениями гомогенизации, легко проникают во все слои населения и во все территории. Лозунгами этих сил становятся выражения *be happy!* Нет проблем! Но сиюминутный гедонизм близорук, он имеет тенденцию недопустимо упрощать любые проблемы. Реакциями против давления становятся стресс, прекращение рефлексии, а значит, этнический или религиозный фундаментализм, или во всяком случае радикализм, апеллирующий к традициям, реальным или вновь сконструированным, и к исторической глубине коллективного общежития. Однако эти силы могут находить поддержку только в быту, в повседневной жизни, куда они загоняются как в резервации давлением господствующих сил. Так реакция против гибридизации становится внутренним состоянием человека, которое он вынужден носить в себе как навязчивый мотив.

Гибридизация, по смыслу самого термина, никогда не воплощается в интеграцию. Это как бы параллельное, многослойное, переплетающееся движение в качественно разных струях потока. Оно предполагает особое чувство контекста и его смены, особый навык переключения от одних правил и режимов к другим.

Культурная глобализация: воображение и контроль

Неизоморфный (несинхронный, разнонаправленный, потенциально конфликтный и кризисный, не приводящий к предсказуемым результатам, открытый для новых сцеплений) характер потоков глобализации создает постоянные разрывы, отрывы или дизъюнкции разных аспектов жизни во времени, в пространстве и особенно в индивидуальном сознании. Эта черта глобализации уже привела к появлению разных концепций.

Согласно одной из них, глобализация жизненного мира индивида означает для него включенность в совокупность пространственно не связанных практик (8). Тем самым подрывается его лояльность к окружающим людям и даже к обществу (государству), в котором он живет. Время нации – государства, там, где оно существовало, заканчивается. Исторически возникшее сцепление территории, культуры, нации (этноса), письменного языка, государственности и народного суверенитета становится все иллюзорней. Государство не только теряет экономический или политический суверенитет в пределах своей территории и законодательности и в международном контексте, но и фактически теряет власть над своими гражданами, а также приезжими, перемещенными лицами, беженцами, иммигрантами, туристами, командировочными и т.п. представителями диаспорных сообществ. Сам смысл слова «государство» или даже «общество» становится подозрительно неустойчивым, произвольным, если не фиктивным. С другой стороны, несовместимость идентичностей индивида и нормативное давление на него становятся такими сильными, непереносимыми, что его действия приобретают

взрывной, реактивный, немотивированный характер, который невозможно понять из внешних обстоятельств его жизни. Люди все больше существуют в диаспорных сетях, которые составляют для них воображаемые сообщества – источник ориентации, морали, культурного стремления и социального самочувствия (8). Воображаемые сообщества множатся, строятся на все более абстрактных качествах человека и культуры (пол, возраст, поколение, религия, этнос, язык, раса...), чтобы урегулировать расстроенные связи человека и мира и принести ему успокоение.

Другая концепция делает акцент на самом по себе воображении, как способности, которая призвана поддерживать, внутренне интегрировать человеческую личность. С помощью воображения глобализованный мир картируется, опираясь на культурный капитал человека, не нанося ущерба его лояльности к окружающим, близким или далеким, лично знакомым или только виртуально или мысленно доступным. При этом проблемой остается различие в картировании мира носителями или сторонниками разных культур (9) и взаимосвязь образов мира с господствующей в глобальных контекстах «инструментальной рациональностью» внешней дисциплины, калькуляции выгод и расчета рисков.

Как бы то ни было, чтобы справляться со всеми вновь возникающими сложностями, необходимо опираться на технологии, ресурсы и компетентность, то есть на составные части культурного капитала индивида и общественных институтов. Примерами являются компьютер, интернет, мобильный телефон, автомобиль, логистика и личное повседневное планирование, протоколирование жизни. Они продолжают усилиями самих людей требования бюрократии кредитных, банковых, полицейских, социальных, медицинских, благотворительных и т.п. организаций, ведущих непрерывный мониторинг жизни индивидов. Но системы контроля, слежения и виртуального отражения жизни диктуются не только сложностью или опасностью пребывания в глобализованных, взаимосвязанных, но неизоморфных потоках. Если вспомнить о телевидении, политических и рыночных опросах, рекламе, налоговых, страховых и платежных системах, становится ясно, что суверенная жизнь без ее отображения в виртуальные пространства тем самым ускользает от всепроникающих интересов власти, политики и коммерческих интересов и сама по себе становится почти опасной как варварское, природное, спонтанное, естественное явление. Безопасность, благосостояние включенных в глобализованные контексты, по видимости, гарантируются в своем существовании институциональными, технологическими и информационными системами «современности», тогда как исключенные из них выпадают из потока как его активные агенты и обречены на нищету, заброшенность, подвержены всем рискам и побочным продуктам, отходам непонятных для них сил (10). Локально организованная жизнь, закрытая для целевых неустанных манипуляций, приобретает качества самонаправленности и автономности, непредсказуемости и потому нежелательна. Глобальное враждебно локальному или по крайней мере высокомерно им пренебрегает до тех пор, пока не наталкивается на локальное как на препятствие. Лишь затем локальное пытаются использовать как ресурс.

Чтобы ощутить эти контрасты, полезно взглянуть в особенности поведения человека в глобализованном контексте. Как водится, глобальные контексты гомогенны и гетерогенны в одно и то же время, подобно самому потоку глобализации. Кроме того, на всех явлениях глобализации лежит тень

симулякра, как это давно уже было замечено. Нормативное в них чрезмерно ужесточается, становится способом репрезентации, навязывается со стороны, а фактическое флюидно, текуче, неуловимо, неопределенно и часто входит в зону риска, неуспеха, срыва. Некоторые авторы говорят даже об индуцированной шизофрении поведения в глобальном контексте. Во всяком случае, именно здесь, и не обязательно собственно в виртуальном взаимодействии, закономерно торжествует симулякр.

Пример 1. Окраина Петербурга, обочина магистрали на Москву в районе аэропорта Пулково. Здесь, вдоль магистрали выстроены несколько новых заводов известных в мире ТНК. Каждый завод имеет свою обустроенную территорию, огражденную забором с охраняемыми въездами. На территории параллелепипеда корпусов, обычно в два-три этажа, бетон, металл, пластик и стекло. Внутри принудительная вентиляция с микроклиматом, комбинация офисных и производственных пространств.

Мы в одном из общих офисных отсеков. Присутствуют около двух десятков бухгалтерско-финансовых служащих нескольких взаимосвязанных отделов. В большинстве это женщины 25-35 лет, мужчины в меньшинстве. У одного из мужчин – менеджера из Пакистана день рождения. Как принято, дни рождения отмечаются коллективно.

Спиртного нет, но есть разнообразные закуски к охлаждающим напиткам, чаю или кофе. Церемония не очень жесткая, но требует поддержания коллективного разговора. В нем более или менее спонтанно принимает участие большинство присутствующих. Все реплики подаются только на английском языке, хотя ни для одного из присутствующих он не является родным, не только для русских служащих-женщин, но и для немногих служащих мужчин, наемных работников из разных стран.

Застолье продолжается около часа, в последней фазе разговор дробится, образуются оживленно беседующие подгруппы, участники переходят от одной подгруппы к другой. Все так же на английском языке.

Пример 2. Та же территория, солнечный воскресный день, на заводе день открытых дверей для всех работников и членов их семей, прежде всего детей, родителей и друзей. Все мероприятия проходят приблизительно с 11 до 3 часов дня.

Мероприятия явно предназначены для рабочих основных цехов завода, вспомогательных служб и всех прочих желающих. Используется только русский язык. Все приезжающие прибывают своим ходом, отъезд организован автобусами до ближайшей остановки метро. В меню экскурсии по заводу (без всякой внешней организации, свободный осмотр общих помещений), гуляния перед центральным входом в заводское здание на открытом пространстве газонов и асфальта. Питание из прибывших фургонов Макдональда под музыкальный фон (американские хиты) расставленных громкоговорителей, развлечения детей на надувных батутах и подростков в групповых танцах и шуточных конкурсах рисунков, пения. Присутствует нанятый фирмой фотограф. Многие участники встречи пришли с фотоаппаратами. Наибольшее оживление вносят фирменные рекламные шары Макдональда, раздаваемые в изобилии детям. Время от времени над головами участников проносятся рейсовые самолеты с недалекого аэродрома. Стаканчики (кока-кола, вода, кофе) приходится ставить или оставлять на асфальте. Разовую упаковку Максов бросают в пластмассовые корзины. Все разъезжаются довольные.

В обоих примерах контекст вне-деловой, но наполненный виртуальными и материальными знаками глобализации. Принудительность этих контекстов, кажется, никак не проявлена внешне, но попробуйте отступить хотя бы на шаг в сторону от действующего порядка вещей, как угроза немедленно материализуется, скорее всего в коллективной реакции на нарушителя общего, тщательно выстроенного порядка. И если даже этого и не случится, нарушителя возьмут на заметку, а это еще опаснее по возможным последствиям. Ведь в силу разницы заработков работа на американском предприятии в Петербурге сама по себе выглядит пока как привилегия.

Упомянутые выше заводы предпочли выстроить свои корпуса вне города, на пустом месте, за пределами традиционных промышленных зон (плохо решаемая проблема пока - отвод земель). Равным образом обычно такие предприятия практикуют дискриминацию по возрасту набираемого персонала, они принимают преимущественно молодых людей, не имеющих опыта работы на предприятиях других типов, но вместе с тем вполне образованных и не имеющих осложнений в личных или семейных обстоятельствах.

Торговые, финансовые и т.п. фирмы предпочитают встраиваться в центральные районы Петербурга. Среди приоритетов, конечно, - Невский проспект. Можно сказать, что сегодня он целиком оккупирован силами глобализации – вывески на всех языках, витрины, отели, рестораны и закусочные, казино и долби-кинотеатры, потоки автомашин и потоки туристов. Жизнь круглые сутки. В любой сезон. Но присмотревшись внимательно, замечаешь многослойность потока в центре. Уличные музыканты и художники, нищие и беженцы, проезжий люд и беззаботная молодежь.

Вряд ли однако имеет смысл останавливать эти движения в целом взглядом прохожего. Многослойность потока означает необходимость предварительной аналитической работы. Требуется хотя бы эскизное представление о контрасте глобальное – локальное, а также их описательная типология.

Глобальный контекст – локальный контекст

В глобальном контексте взаимодействие подчинено функциональной прагматике (технологическим и коммерческим требованиям). Они – взаимодействия – начинаются и заканчиваются по функциональным сигналам: звонок, запрос, начало или конец совещания, начало покупки или ее завершение, начало церемонии и ее конец и т.п. Эти взаимодействия не имеют истории и будущего вне породившего их прагматического, функционального контекста. Локальные взаимодействия, напротив, разворачиваются на фоне знакомства, прошлой жизни, в них все чревато неожиданными, но почти неизбежными продолжениями. Обида или просчет, успех или неудача могут аукнуться в неопределенном будущем, они откладываются в коллективной локальной памяти как предостережения, рекомендации, как рыхлые по форме и неясные по поддерживающим их авторитетам, но все-таки традиции, обычаи, манеры. Они не носят принудительно личного характера, но тем не менее сам характер и внешность, манеры и отношение к локальным взаимодействиям имеют безусловное моральное и культурное значение. Это как в немецкой пивной или в нью-йоркской местной забегаловке – каждый посетитель потенциально свой, и если он принимает эту игру, делает шаг навстречу ей и правильный шаг, он становится своим привычным клиентом. И чем далее, тем теплее. Свое кафе или паб, своя булочная или пивной ларек – это не только

место, которое помните вы, но и где (со временем) помнят вас. «Город привычных лиц» (Генрих Белль).

Иначе выглядят глобальные контексты. В них личное, особые требования и привычки, памятное, диффузное, синтетическое, собирательное, молчаливо подразумеваемая традиция, манера и правила игры скорее мешают, излишни, считаются шумом, препятствием, порождают осложнения, требуют «смазки» (иначе не будут приняты). Хотя нигде не найти в самом деле голой функциональности, но потоковый характер процессов в глобальном контексте принуждает выставлять ее идеалом и ориентиром. Выпадение из потока требует дополнительных трат, ресурсов, «дорого стоит», оно излишне, это угроза «порядку», слаженности слагаемых потока.

Функциональность глобального контекста расставляет все и всех по местам, в соответствие со статусом, регламентом и функциями. Поток функционирует циклами: бизнес-цикл, покупка-продажа, начало-конец сеанса, вошел – был обслужен – вышел. Без последствий для участников взаимодействия, но и без общего фона их взаимного прошлого. Ответственность в пределах функций, эмоции – согласно распорядку, технических правил вежливости, стоимости или ранга контракта. Каждый цикл как бы рождается заново и каждый не зависит от других. Не должно быть видно усталости или раздражения, забывчивости или рассеянности – ведь это признаки некомпетентности, или несоответствия статусу, ненужной дисфункциональности. Они табу в глобальном контексте. Но они же стимул для интенсификации отношений в контексте локальном, который только потенциально обогащается любым личным чувством, особенным проявлением близости, открытости, незащищенности, беззаботности, поскольку безопасен. Здесь ошибки или неловкости легко прощаются, зло контролируется прошлым и будущим взаимных отношений, а не просто размещается в особой функциональной зоне риска, охранных систем, телевизионного или бюрократического, бумажного контроля, который образует параллельную схему взаимодействия в глобальном контексте. Схему его документирования, дублирования, протоколирования, которая в последних технологиях становится все более электронной и виртуальной, как и сами глобальные контексты. Тем самым возникает тема скрытой власти, которой подчинены контексты глобальные, тема тех сил, которые заводят и поддерживают функциональные порядки, тема скрытых выгод, объясняющих своеобразие их механизмов.

В отличие от локальных, глобальные контексты, в силу более или менее отчетливой функциональности, сравнительно легко типологизировать: эффективный деловой контекст, контекст интенсивного потребления, специального обслуживания, туристский контекст и контекст массовых развлечений, виртуальное скольжение. Это простейшие примеры, на которых отрабатываются технологии, идеалы, стандартные требования, привычные установки. А затем они переносятся в тысячи других ситуаций повседневной и общественной жизни. Милицейский участок и учебная аудитория, приемная врача или юриста и парикмахерская. Доходит до того, что функциональные контексты оккупируют семью и дом, пронизывают их виртуально или нагружают семейную ситуацию произвольными действиями усталых людей. Напомню здесь построения Ю.Хабермаса, где «система» колонизирует «жизненный мир повседневных практик» - построения, где обнаруживаются сходные эффекты взаимодействия поляризованных общественных сил (см. также 16).

Коммерциализация и стирание границ между добродетелью и пороком

Теперь самое время задуматься о принципах, которые обеспечивают силу потока глобализации. Несомненно, один из самых важных из этих принципов – это коммерциализация. Как уже было отмечено, многие действия и стратегии ТНК носят монопольный характер. Они, разумеется, связаны просто с эффективным извлечением прибыли из завоеванных новых рынков, распространением своей продукции, обновлением технологий и т.п. совершенно одобряемых и даже вполне благородных вещей. Но наряду с этим они распространяют вокруг, воспроизводят и культивируют атмосферу не знающей никаких границ коммерциализации, - природы, общества, культуры и самого образа человека во всех его проявлениях. Под лозунгами самореализации, культа индивидуальности, творческих усилий или обнаружения предельных способностей человека в спорте, в экстремальных ситуациях, в бою или в схватке, в споре или в конкуренции с другим (человеком или зверем, реальным или чисто виртуальным чудовищем), в настоящем, в прошлом или в будущем - разрушаются все табу и переходятся все границы. Все, что может быть продано, становится товаром. Все, что может быть куплено, становится предметом рекламы. Ни один социальный институт не может устоять перед натиском коммерциализации своей деятельности. Медицина и наука, церковь и кладбище, армия и полиция, образование и тюрьма... Список каждый может продолжить сам. Действительность как бы выворачивается наизнанку. Все, что в ней было скрыто, находилось в тени или в глубине человеческой природы, выставляется на свет как товар, которому может быть найден покупатель, все, что изгонялось из коллективной жизни как табу, тайна, зона забвения или безразличия, вытаскивается на божий свет. Сторонники неолиберализма конечно добавят, «если это найдет спрос». Тем самым декларируется отказ от всех остальных ценностей морали, культуры и истории, на которых держится все здание социального.

Пример 3. Два сообщения. 1) Скандал в январе 2001 года в Великобритании: у умерших детей в больницах изымали внутренние органы для последующих экспериментов и для продажи, без согласия и уведомления родителей. Отметим при этом, что в Европе действуют 1100 фирм в области биотехнологии, генетики человека и геномной инженерии (См.11, р.143, 236). 2) Сентябрь 2001 года, трагедия в Эстонии. Несколько десятков человек умерли, отравившись спиртными напитками, приготовленными на основе денатуратов.

Между тем силы глобализации сегодня делают все более неясной границу между человеком и вещью, культурой, технологией и природой. Новые онтологические реальности – сети, мобильный телефон, компьютер, электронные игрушки и роботы, генетически модифицированные животные и растения, микробы и искусственные органы человеческого тела, тренажеры и парки развлечений или туризм приключений, - все эти новые явления невозможны без нового взгляда на человека и общество. Пока человек в них предстает как универсальный потребитель, клиент или, лучше, подопытный кролик, крыса в лабиринте, а общество как бюрократическая машина, которую можно переналадить только новыми законами. Но эти узкие, односторонние взгляды уже никак не соответствуют реальности «жидкого модерна». Спонтанная текучесть создает мир неожиданностей, которой можно противопоставить только вооруженную такими же силами пластичность человека. Но тут возникает почти непреодолимое препятствие.

Новые реальности, трансформированные технологией, оставляют рядовому человеку роль пользователя, носителя доспехов, рядового армии потребителей или функциональных исполнителей, служащих. Поддерживаемая коммерческой, или, того хуже, государственной тайной, между человеком и новой реальностью как бы установлена мембрана. Она позволяет ему только пассивные или ограниченные роли покупателя или разрушителя. Если игрушка ломается, ее выбрасывают, не интересуясь причиной или смыслом сбоя. Человек отчужден от технонауки. Новым его состоянием становится «информационная бедность» (Петер Вихалем, 14,15). Разделение знания и разделение рынков заслоняют от него природу новых реальностей лучше любого космического щита. И человек подпадает под наблюдение и манипуляции мегамашин (Люис Мамфорд) политики и экономики, свихнувшихся на принципах коммерциализации.

Пример 4. Урсула Хольтгреве и Раймунд Верле показали, как в соперничестве с монополией Микрософта развивался проект Открытых систем (Linux и др.) в области компьютерного программного обеспечения (12). Авторы отмечают борьбу коммерческой закрытости и обращения знаний в товар со стремлениями обеспечить доступность и полезность общественных благ (знаний, технологий, инфраструктуры) со стороны активистов-пионеров, рядовых участников движения (пользователей), профессионального сообщества (программистов) и протестующих элементов (хакеров). Показано, что закрытость частично стимулирует скорость достижений, но в долговременном плане чревата застоєм и монополизмом, тогда как открытость стимулирует гибкость, широту и разнообразие приложений, вовлекает в движение как немногих профессионалов, проигрывающих монополистам на рынке, так и массу дилетантов, студентов и широких кругов потребителей, включая некоммерческие и государственные структуры.

Пример 5. Й.Капферер размышляет о том (13), что «глобализация экономизма» угрожает устранить своеобразие даже таких городов Европы, которые избираются ежегодно «культурными столицами» (таковой был и Санкт-Петербург в 2000 г.). Путешествующие по Европе вообще отмечают, что с внешней стороны почти незаметным становится переезд из страны в страну, настолько все везде оказывается стандартно одинаковым.

Пример 6. Вестби Г.М. сообщает об эксперименте в некоей школе в Норвегии – одной из самых высокодоходных стран мира. Ученикам шестого класса школы второй ступени были выданы лэптопы, равно как и их учителям, для использования в учебном процессе и для общения между собой и внешним миром. Вестби ставит своей задачей проследить воздействие информационно-коммуникационных технологий на повседневную жизнь, а конкретно, посмотреть, к чему может привести «глобализация (школьного) класса» (11, p.240).

И все-таки силы локальности, несмотря на круговой натиск, не исчезают, они остаются основой воспроизводства и существования человека, солидарности людей, которая естественна среди близких, но не менее живуча и среди малознакомых или даже совсем друг другу чужих. Бескорыстие и взаимопомощь, неподдельный интерес к беседе и к состоянию другого, призывный взгляд и ответный сигнал, готовность к развитию отношений, а не к их прекращению в завершение «цикла», открытость и многозначность, значительность простейших событий. И это не только быт. Это культура локального общежития, вне которой человек превращается в равнодушного

прохожего, пассажира, посетителя, в свою функциональную тень. Не получая поддержки своим внутренним импульсам к локальной жизни, человек, сам того не замечая, отчуждается от самого себя и своей среды, превращается в варвара, в бродягу, безответственную единицу, в зомби, в природное тело, слоняющееся между людьми. Вырождение локального опасно. Локальное организовано и существует как полнота жизни, которой, по определению лишено глобальное, взятое в его отношении к обычному человеку.

Заметим, что на первый взгляд противостояние глобального – локального кажется только перелицованным применением давно известных в социологии типологий первичных – вторичных отношений или формального – неформального. Но легко обнаружить, что это не совсем так. В потоках глобализации эти особенности отношений перемалываются в совсем иные качества, выстраиваются в соответствие с иной динамикой, включая психодинамику, воздействуют на человека как неконтролируемые им силы, от которых почти невозможно уклониться, защититься. С которыми лучше иметь дело во всеоружии внутренних способностей и навыков и совместно с другими людьми. Так локальное открывается человеку как освоенная им территория и обжитой им совместно с другими людьми мир, динамичный мир взаимности, поиска гармонии отношений и решения собственных проблем или разрешения от страхов и стрессов.

Литература

1. Therborn Goran. Introduction. *International Sociology*, Vol.15, N 2, June 2000, p.149-150
2. Sassen, Saskia. *The Global City: New York, London, Tokyo*, new edn. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000
3. Chase-Dunn C., Kawano Y., and Brewer B.D. Trade Globalization Since 1795: Waves of Integration in the World-System, *American Sociological Review*, Vol.65, N 1, 2000, pp.77-98.
4. Therborn Goran. Globalisations. *International Sociology* . June 2000. Vol 15(2), p. 151-179 .
5. Mercure Daniel (sous la direction). *Une societe-monde? Les dynamiques sociales de la mondialisation*. Les Presses de l'Universite Laval, de Boeck, 2001.
6. Teillery J.C. *Los Sistemas Comerciales y Monetarios en la Triada Excluyente. Un punto de vista latinoamericano*. Universidad autonoma metropolitana, Mexico, 1986.
7. Bauman Z. *Liquid Modernity*.L., Polity Press, 2000.
8. Фурс В.Н. Глобализация жизненного мира в свете социальной теории. *Общественные науки и современность*. №6, 2000.
9. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996.
10. Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии. *Социологический журнал*, №3/4, 2000, С. 5-17.
11. *Visions and Divisions. Challenges to European Sociology. Abstracts*. Helsinki, 2001

12. Holtgrewe U., Werle R. De-commodifying software? Open Source Software between business strategy, participatory engineering and social movement. *Ibidem*, p.86.
13. Kapferer, J. Culture and commerce: European culture cities and civic distinction. *Ibidem*, p.103.
14. Vihalemm, P. Media Society in Transition: new media and differentiation of media consumption in Estonia. *Ibidem*, p.242.
15. Jarve, M. Culture rich and culture poor: the cultural consumption and material well-being. *Ibidem*, p. 100.
16. Ilmonen, K. The modernization of Finland, consumption and colonization of life-world. *Ibidem*, p.91.
17. Валаскакис, Кимон. Глобализация как театр. *Международный журнал социальных наук*, Ноябрь 1999, т.27, с. 25-39.
18. Аппадурай, Арджун. Глобализация и научное воображение. *Международный журнал социальных наук*, Ноябрь 1999, т.27, с.113-125.